

«Противиться счастью? — многим это удастся; ведь несчастье коварно. Вы уже вкусили его? Значит, вы никогда не насытитесь, вы будете жадно искать его, особенно там, где его нет».

Чоран

«Любое деяние человека, наносящего другому урон, обязывает того, по чьей вине оно было совершено, возместить ущерб»

Статья 1382 Гражданского кодекса

Предисловие

Почему жертвы занимают такое место в нашем обществе? Что случилось? Почему современные мистификаторы предпочитают представляться жертвами, как «Piano Man»^{1*} (молодой немой, найденный на пляже в Англии), тогда как раньше они выдавали себя за принцев? Почему даже политики конкурируют друг с другом за звание главной жертвы? До чего мы можем прийти в этой виктимизации всего общества в целом?

Вот вопросы, которые мы стали задавать себе в рамках наших профессиональных занятий, сначала по отдельности, поскольку психологи, как и адвокаты, ежедневно сталкиваются с жертвами и их страданиями: моральными или физическими, взрослого или ребенка, вызванными утратой или скорбью, преступлением, несчастным случаем или несправедливостью. Большой профессиональный опыт заставил нас внимательнее присмотреться к радикальному преобразованию отношений между обществом и жертвами, преобразованию настолько глубокому, что оно, похоже, угрожает равновесию общества. Когда же несколько лет назад мы познакомились, то заметили, что нас тревожат и возмущают одни и те же вещи. Поскольку у каждого из нас была своя часть головоломки, мы решили про-

¹ * Имеется в виду Андреас Грассл (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB,_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B0%D1%81)). — *примечание переводчика*

должить наши размышления вместе, чтобы разобраться в этом феномене, заявившем о себе еще в 1980-е гг., в ключевой период, когда резкий рост значения и влиятельности жертв можно было наблюдать в самых разных областях — от классификаций психических болезней до судебной системы и международных отношений. В некоторых случаях нам пришлось выйти за границы наших профессиональных компетенций: место, которое отводится жертвам, показательно для нашего общества, определяясь также историей, социологией и политической философией. Мы попытались выделить этот феномен, чтобы описать его, но также чтобы поместить его в контекст истории, где его можно будет понять. Психолог действует в каком-то смысле именно так, когда, описав симптом, он начинает длительное расследование, позволяющее поместить его в контекст личной истории. Что касается судебной системы, она как никогда раньше стала главной площадкой, где жертвы заявляют о себе, пытаясь получить признание своего несчастья, вызвать сострадание и добиться возмещения ущерба.

Сегодня о жертвах редко говорят иначе, нежели в модуе сострадания. Мы понимаем риск, на который идем, поскольку перевознесение жертв, которым занимаются сегодня, несет в себе, как нам кажется, не только значительные преимущества, но и серьезные проблемы, как для демократии, так и для них самих.

1. Все равны

Все больший интерес, который вызывают жертвы, возникает из лучших намерений, в наилучшем из всех возможных политических режимов, а именно, в демократии. В тоталитарных странах, где жертв намного больше, отношение к ним далеко не такое хорошее, если только на помощь им не придут гуманитарные организации из демократических стран. Но мы сегодня настолько привыкли к демократии, что больше не видим всех последствий, которые она влечет в нашей повседневной жизни, в самой форме нашей политической организации. Во времена, когда принцип гражданского равенства был новшеством, его влияние на порядки в обществе было настолько значительным, что Алексис де Токвиль по возвращении из Америки назвал его «чудесным», пояснив, что этот принцип «распространяет свое воздействие далеко за пределы сферы политических нравов и юридических», поскольку «создает мнения, порождает определенные чувства, внушает обычаи, модифицируя все то, что не вызывается им непосредственно»².

Но в то же время Токвиль вскоре распознал риски такого положения дел: «Сегодня нации уже не могут отказаться от равенства, однако от них зависит, приведет ли оно их к рабству или свободе, к просвещению или варварству,

² Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 27.

к процветанию или нищете»³. То есть для граждан равенство не всегда становится залогом счастья.

Парадокс демократии

Мы живем в мире, где неравенство постоянно растет, хотя наше общество самое эгалитарное за всю историю человечества: «Иерархии смешиваются и исчезают в публичном пространстве, где всякий стоит всякого: на ток-шоу нобелевский лауреат-физик рассказывает о своем любимом кулинарном рецепте, тогда как выдающийся повар, отмеченный в гиде “Мишлен”, рассказывает о последней книге по философии, им прочитанной. Короче говоря, похоже, что последние барьеры скоро падут, и что мы будем жить в одном или, скорее, в едином мире, мире гомогенном и унифицированном: *we are the world* [мы и есть мир]», — вот что говорит философ Пьер Манан⁴. Таково общее неизбывное ощущение, порожаемое демократией: мы считаем себя подобными друг другу, тогда как объективно мы далеки от равенства.

Это ощущение подобия находит свое конкретное выражение именно тогда, когда мы идентифицируемся с ближним. Токвиль отмечает: «Когда народ почти не знает различий по чинам и все люди примерно одинаково думают и чувствуют, каждый из них способен мгновенно оценить ощущения всех остальных: для этого ему надо лишь мельком заглянуть в самого себя. Поэтому нет такого страдания, которого бы он не понял без труда и вся глубина которого осталась бы тайной для его чувств. Совершенно неважно, о ком идет речь — о незнакомых или даже о вра-

³ Там же. С. 505.

⁴ Manent P. Cours familial de philosophie politique, Paris, Fayard, 2001. P. 63. Пьер Манан — руководитель исследований в Высшей школе социальных наук (l'École des hautes études en sciences sociales).

гах: его воображение тотчас же заставляет его оказаться на их месте»⁵.

Сегодня телевидение устранило то соотношение между числом жертв и удаленностью места катастрофы, которым определялось журналистское событие. Пока мы не видели жертв, одной смерти в Париже могло хватить, чтобы мы о ней узнали, тогда как жертв в Пекине для этого понадобилось бы по крайней мере триста. Каждая из жертв птичьего гриппа — пока что малочисленных — уже составляет событие, в какой бы точке мира они ни обнаруживались.

Наше сострадание может выражаться в разной степени (событие должно вторгнуться в нашу жизнь внезапно, неожиданно^{6*}), оказываясь порой непостоянным (голод в Судане, события в Дарфуре, землетрясение в Пакистане не слишком нас взволновали) или даже сглаженным (как в случае СПИДа), однако оно все равно неназойливо показывает нам, в какой мере мы чувствуем себя равными друг другу: все, что случается с другими, могло произойти и с нами. В то же время мы в таких случаях испытываем облегчение, поскольку сами не пострадали, облегчение, к которому примешивается чувство вины. Когда мы переводим деньги какому-нибудь НКО, это успокаивает нас и ободряет. Повторение притупляет нашу способность чувствовать страх и жалость. Мы ограждаем себя, пока какая-нибудь неслыханная катастрофа снова не застанет нас врасплох.

То есть существует связь между состраданием, демократией и жертвами. Сострадание, влекущее солидарность, соучастие, согласие, и само являющееся производным от демократических принципов, видимо, благоприятствует

5 Токвиль А. Демократия в Америке. С. 411.

6 * «Мы так устроены, что можем интенсивно наслаждаться только контрастом, а состоянием — лишь в очень незначительной степени». (Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. // Собрание сочинений в 10-и т. М.: Фирма «СТД», 2007. Т. 9. С. 208).

демократии. Права, предоставленные жертвам, должны поддерживать чувство равенства и еще больше чувство принадлежности единому человеческому сообществу.

Политика сострадания

Вот как сострадание стало главным качеством политика или официального лица, неважно, правого или левого, какой бы пост он ни занимал — мэра, министра транспорта, юриспруденции, внутренних дел, здравоохранения или даже президента Французской Республики. Отныне недостаточно проявлять сострадание, пытаясь успокоить кого-либо словами. Политик должен физически присутствовать там же, где и жертвы (профессор Маттеи, который этого не понял, был вынужден оставить пост министра здравоохранения после засухи в августе 2004 г.), принимать близких, обещать что-то на будущее, в том числе новые законы, которых требует общественное мнение. Политик должен показать, что он, прежде всего, такой же человек, как и все остальные, что его озабоченность другими важнее его государственного интереса и, конечно, его личных амбиций. Он должен быть простым, его человечность должна найти естественное выражение (именно так говорили о Франсуа Баруэне, министре по заморским территориям Франции, который в августе 2005 г. сам отправился на Мартинику после авиакатастрофы, получившей огромный резонанс: мы все стали тогда жителями Мартиники, особенно президент республики). В США после урагана Катрина главное, в чем обвиняли президента Джорджа Буша, — так это в том, что он не отправился сразу же на место катастрофы, и это стало не больше не меньше политическим грехом, за который его сразу же наказали падением рейтинга, поднять который потом так и не удалось.

Империя сострадания не ограничивается ситуативным поведением того или иного политика. Она ведет к тому, что Ханна Арендт называет «политикой жалости»^{7*}, тем «властным импульсом, который влечет нас к *les hommes faibles* [слабым людям]». Основным моральным мотивом множества политических решений теперь стала не забота о справедливости или утверждение национального суверенитета, а признание страдания другого.

Новая веха была пройдена, когда политики сами начали, сознательно или подсознательно, приписывать себе статус жертв, пытаясь вызывать к себе сострадание. В результате отставки правительства Раффарена, последовавшего за назначением Доминика де Вильпена, были уволены некоторые министры (как малоизвестные публике, так и довольно известные). Многие из них публично заявили о своем недовольстве, которое раньше, по правилам хорошего тона, нужно было скрывать: увольнения были названы несправедливыми, поскольку министры не понимали, в чем они провинились. Возможно, они почувствовали себя «равными» миллионам безработных, в появлении которых их винили, и захотели, чтобы их судьбе тоже посочувствовали: разве они не стали жертвами вынужденной безработицы, пусть и на короткое время, ведь их уволили без предупреждений и без достаточного основания?

История с компанией «Clearstream» стала неслыханным примером состязания жертв. Николя Саркози, главный защитник любых жертв^{8*}, первым заявил о том, что стал

7 * С точки зрения Арендт, сострадание обращено на отдельного человека, а жалость — на совокупность людей: «Сострадание, по своей сути, не может возникнуть как реакция на страдания целого класса или народа, тем более всего человечества. Оно не может быть откликом на страдание более чем одного человека и всегда и везде остается со-страданием» (Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. С. 113).

8 * Николя Саркози, когда речь шла о жертвах, всегда был щедр на предложения: в мае 2006 г. он выдвинул идею создать особый

жертвой — 19 июля 2005 г. в газете «Libération». На вопрос об обвинениях, которые были предъявлены ему, он ответил: «Мне не нужно ничего комментировать, поскольку каждый сегодня точно знает, что я сам жертва»^{9*}. Но история тогда только начинала раскручиваться. 3 мая 2006 г., когда Франция узнавала то об одном громком факте, то о другом, министр внутренних дел заявил: «Такие истории могут случаться потому, что жертвы молчат. Но я жертва, и я молчать не буду»¹⁰. Но он не один; Мишель Аллио-Мари последовала его примеру: «Я сама жертва этой истории. Я стала мишенью, поскольку обо мне говорят»¹¹. Что касается Доминика де Вильпена, он на пресс-конференции 10 мая 2006 г. представил себя, по словам журналиста Дюамеля, «самой главной и самой травмированной жертвой, которую оклеветали и которой нанесли ущерб»¹². Наверно, позиция жертвы довольно-таки выгодна в политическом плане, раз на самом верху государства люди борются за звание первой жертвы! С точки зрения политика, заявить о своем страдании (а жертва должна страдать) — значит получить двойную выгоду: поставить себя на одну доску с согражданами и представить основание для своих поступков, чем, собственно, и занимаются сегодня жертвы.

Индивидуализм и виктимизация

От взгляда Алексиса де Токвиля не ускользнуло и то, что индивидуализм является прямым следствием демократии, первоначально считавшимся негативным.

«судейский орган по делам жертв».

9 * Стоит ли напоминать о том, что Николя Саркози действительно был жертвой в юридическом смысле этого термина, поскольку выступал гражданским истцом в расследованиях счетов компании «Clearstream» за границей.

10 *Le Monde*, 3 mai 2006.

11 *France 2*, 4 mai 2006.

12 *Libération*, 10 mai 2006.

Что такое индивидуализм? Почему он является производным демократии? Чем он опасен? И какое он имеет отношение к виктимизации?

Само слово «индивидуализм» появилось недавно — только в начале XIX века. В эгалитарном обществе под ним имеется в виду своего рода рефлекс самозамыкания. По словам уже упомянутого нами Токвиля, «Индивидуализм — это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом»¹³. Токвиль отличает его от эгоизма, который представляет собой «древний, как сам мир, порок. Он в равной мере свойствен любой форме общественного устройства».

Чтобы понять, почему индивидуализма в том смысле, в каком мы понимаем его сегодня, не могло быть при Старом порядке, Токвиль сравнивает новое общество со старым: «Люди, живущие в аристократические века, следовательно, почти всегда самым тесным образом связаны с событиями и людьми, находящимися за пределами их частной жизни, и поэтому каждый из них часто предрасположен забывать о самом себе. Правда, в эти века общее понятие человека как такового не имеет определенного содержания и люди едва ли думают о том, чтобы посвятить свою жизнь всему человечеству, однако они часто жертвуют собой ради конкретных людей. В демократические века, напротив, обязанности каждого индивидуума перед всем человечеством осознаются значительно яснее, но служение конкретному человеку встречается много реже: чувства, влекущие людей друг к другу, становятся более всеобъемлющими и узы, связующие их, не столь крепки»¹⁴.

13 Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 373.

14 Там же. С. 374.

В обществах Старого порядка Церковь была связана с государством. На вершине социальной пирамиды стоял монарх, обладающий этим статусом на основании «божественного права», поскольку свой авторитет он получал от Бога, представителем которого — и в то же время отцом нации — он был. Именно Бог даровал жизнь, то есть по воле Божьей король рождался королем, сыном короля в данной конкретной семье, но точно так же именно по воле Божьей все остальные люди обретали свое извечно предначертанное им место. Каждый отец семейства обладал таким же авторитетом, основанным на «божественном праве», над членами семьи, которые должны были относиться к нему с уважением и подчиняться ему. Весь народ в целом понимался в качестве большой семьи, в которой у каждого есть свое место, данное по праву рождения, и так с самого низа до самого верха, под эгидой царя-батюшки. Полагалось любить Бога, своего короля или царя и ближнего своего как самого себя — согласно принципу христианской любви. Счета предполагалось свести позже, на Страшном суде, где Бог будет судить живых и мертвых, и где, как известно, «первые станут последними».

Самым неотложным требованием демократических обществ стало отделение Церкви от государства. Это предмет первой поправки к американской Конституции, предложенной в 1789 г. и принятой в 1791 г., но также причина величайшего революционного кровопролития в тот же период времени во Франции, где принимается декрет, по которому вся власть отныне должна исходить от нации посредством избрания граждан, «рожденных свободными и равными». Поскольку пирамида лишается вершины, была создана новая социальная связь, горизонтальная, а не вертикальная, основанная на принципах свободы и равенства, к которым затем присоединился и третий принцип — братства. Но братья они теперь уже не потому, что дети

одного отца (Бога, представленного королем), а в силу понимания ими того, что они подобны друг другу и принадлежат одному и тому же человечеству.

Пьер Манан объясняет, что в «аристократическом обществе социальная связь, включая прежде всего связь семейную, непосредственно включена в публичное пространство в качестве естественного факта. Она прямо воспринимается в качестве объективного факта, внешнего субъекту, факта заверенного и подтвержденного долгом каждого повиноваться вышестоящему. В семье, в обществе люди связаны, и у них нет выбора. [...] В демократическом обществе каждый человек в социальном мире воспринимает прежде всего не объективную совокупность связей, которые связывают его с другими членами общества, а самого себя в качестве уникального и единственно законного источника всех его связей, в качестве субъекта со всеми его атрибутами — семьей, собственностью и друзьями. Члены аристократических обществ часто готовы были забыть о себе не потому, что они не такие эгоистичные, как мы, а потому, что они прежде всего остального видят социальные узы, для них внешние; тогда как люди, живущие в демократическом обществе, жертвуют собой достаточно редко, поскольку прежде всего они видят или, скорее, чувствуют самих себя, свою субъективную индивидуальность»¹⁵.

Современный художник Кристиан Болтански недавно создал инсталляцию¹⁶, символизирующую состояние современного человека, разрывающегося между подобием и индивидуализмом. Выставочный зал завален кучей идентичных фигур, расположенных как попало. Их много, но в то же время они не вместе. Треугольные деревяшки образуют ноги. Тела выполнены в виде темных наки-

15 *Manent P.* Op. cit. P. 186.

16 «Prendre la parole», сентябрь 2005, «Marian Goodman Gallery» в Париже.

док, увенчанных лампами, изображающими головы. Если не считать роста, все они похожи, все напоминают великие скульптуры Джакометти и в то же время стилистику Жака Тати. Посетитель бродит между фигурами, а когда останавливается напротив одной из них, фигура говорит мужским или женским голосом: «Я сумасшедшая», «Я уродлив», «Я эгоист», «Я лентяй», «Я дурак», и т.д. Априори все они похожи; но при этом уникальны, ведь они различаются своей речью. Но чтобы речь возникла, нужно, чтобы перед ними встал человек. «Социальная идентичность может существовать лишь в том случае, если о ней заявляется в публичном пространстве, где на вас смотрит другой», — пишет социолог Ален Эренберг¹⁷, словно бы комментируя эту выставку.

Но, может быть, раньше было лучше? На самом деле нет, поскольку «в аристократических обществах самозабвенность (“самоотверженность”) коррелирует с безразличием к человечеству в целом, тогда как в демократических обществах самоощущение (невозможность забыть о себе) сопутствует ощущению человечества в целом, ощущению себе подобного»¹⁸. Сострадание к себе подобным не вступает в противоречие с индивидуализмом нашего общества.

Следовательно, демократия приводит к разложению унаследованных социальных уз, уз обязательных и вмененных (которые, когда мы смотрим на них из настоящего, могут показаться очень удобным, ведь они защищали человека от превратностей судьбы, требуя от него лишь повиноваться традициям и обычаям), но в то же время создает узы эгалитарные, с которыми человек волен соглашаться или не соглашается. Согласие и свобода — не что иное, как принципы этих новых уз. Но сведение всего социального

¹⁷ Erhenberg A. *Le Culte de la performance*, Paris: Hachette Littératures, Pluriel, 1991. P. 41.

¹⁸ Manent P. *Op. cit.* P. 186-187.

мира к согласию, обретение свобод мнения, выбора и совести — все это приводит к новым формам рабства и зависимости: каждый вынужден теперь искать смысл своей жизни, и никто другой за него эту задачу решить не может. Задача эта тем более тяжела, что Бог, дьявол, случай или судьба более не могут в случае непредвиденного события, выделяющего нас из общей массы, выступить ответственной внешней инстанцией, заверенной государством. Где же тогда искать ответственных и виновных?

Современный герой

Современный индивид оказался между двух огней — между своим демократическим эгалитаризмом и индивидуализмом, считающимся высшей ценностью^{19*}. И если эгалитарный идеал влечет его к неразличности, индивидуализм заставляет его искать уникальности, которая по праву рождения не дана. Мы все хотим быть одновременно равными и разными. Для решения этой проблемы, этого противоречия принципиального равенства и факти-

19 * Луи Дюмон отличает индивида как эмпирическую ценность от индивида как просто ценности: «Когда мы говорим об индивиде, мы говорим о двух вещах сразу, внешнем нам предмете и ценности. Сравнение заставляет нас провести аналитическое различие между двумя этими аспектами: с одной стороны, эмпирическим субъектом, субъектом говорящим, мыслящим и желающим, то есть индивидуальным представителем человеческого рода, которого можно встретить в любых обществах; с другой, о независимом, автономном, а потому по существу своему несоциальном существе, являющемся носителем наших высших ценностей и встречающемся в первую очередь в нашей современной идеологии человека и общества. С этой точки зрения, существует два типа обществ. Там, где индивид является высшей ценностью, я буду говорить об индивидуализме. В противоположном случае, когда ценность обретается в обществе в целом, я буду говорить о холизме» (*Dumont L. Essais sur l'individualisme. Paris: Le Seuil, Points essais, nouvelle éd. 1991. P. 37*).

ческого неравенства у нас есть два метода, внешне представляющиеся противоположными: успешность и виктимизация. Все равны, так что пусть выиграет лучший! Все в эгалитарном обществе, в котором вопрос отныне лишь в успешности, конкурируют друг с другом. Ален Эренберг прекрасно показал, что спортивное зрелище (в частности футбольный матч) — это не «большая месса безбожных обществ» и не признак «отмирания социальной связи». Спортивное состязание является не чем иным, как «зрелищем, на котором представлен наш эгалитарный идеал», показывающим, как «кто угодно может стать кем-то». Тот, кто побеждает, обязан своим успехом не своему происхождению или каким-то иным привилегиям, он на самом деле современный герой, то есть тот, кому удалось выделиться из неразличенной толпы себе подобных.

Жертва разделяет со спортсменом это определение современного героя, если не считать того (но это различие всего лишь количественное!), что она не выбирала это отличие, которое грозит самому ее существованию. Как сохранить чувство, что ты выбираешь собственную жизнь, когда испытываешь страдания и несешь ущерб, если не потребовать расследования от ответственной внешней инстанции, которая бы гарантировала тебе то, что ты не стал игрушкой судьбы? Демократическое общество, поскольку оно лишено официальной внешней инстанции, которая позволила бы свести счеты с обидчиком, должно напрямую объяснить ущерб, нанесенный одному из его членов, найдя ему причину. Нужен виновник из плоти и крови. С другой стороны, жертва, замеченная средствами массовой информации, попадает в передовицы точно так же, как чемпионы или кинозвезды. Внезапно прославившись, она выделяется из массы благодаря самому своему несчастью, блистающему своей невинностью.

Детский психиатр Даниэль Марчелли²⁰ полагает, что «связка индивид/претензия представляет собой обратную, извращенную сторону положительной, блестящей лицевой стороны медали, на которой мы видим связку индивид/успешность», и он же замечает, что террористы и жертвы странным образом сближаются в одной и той же позиции: «И те, и другие жалуются на то, что общество не хочет о них знать, они чувствуют себя ущемленными в своих самых фундаментальных правах. Они требуют социального признания...».

Другим следствием индивидуализма является переворачивание отношения между индивидом и обществом. Граждане, отказавшиеся от статуса детей короля, провозглашают себя «детьми родины», готовыми умереть за нее, ведь она вскормила и воспитала их. Нация стала своего рода высшей, возлюбленной сущностью, которая стерла врожденные особенности каждого, создав тем самым высшую связь между индивидами. Но прошло время, когда гражданин был обязан собой коллективу, когда каждого судили по заслугам, то есть по тому, какой вклад он сделал в общее наследие, в соответствии с принципом патриотизма: «Я должен что-то обществу, благодаря которому я кем-то стал». Сегодня индивиды хотят быть творцами собственной жизни. Общество должно предоставлять им одни и те же средства, которыми каждый волен распорядиться по своему усмотрению, чтобы затем получить признание своей оригинальности. Этот новый индивидуализм выражается формулой: «Коллектив должен мне всё, но я ему ничего не должен». Мы наблюдаем фрагментацию всего общества на «выбранные» сообщества. Когда они затвердевают, фокусируясь на своих прошлых или актуальных несчастьях, освобождающих их от ответственности, они начинают претендовать на обладание бессрочным

20 *Marcelli D. Les Yeux dans les yeux. Paris: Albin Michel, 2006.*

векселем, покрываемым прерогативами и поблажками, и вступают тем самым в нескончаемую конкуренцию, в которой каждый чувствует себя большей жертвой, нежели ближний. Как пишет Паскаль Брюкнер, виктимизация — это страдательная версия привилегии²¹.

Принцип равенства, сострадания, необходимости отличиться от себе подобных, оставаться хозяином собственной жизни, требуя при этом от общества признания уникальности, приводят к тому, что жертвы начинают воплощать в себе новую форму героизма. Кто в этих условиях не захотел бы объявить себя жертвой?

21 *Bruckner P. La Tentation de l'innocence. Paris: Grasset, 1995. P. 138.*

2. Все жертвы

Сегодня считается само собой разумеющимся, что люди, потерпевшие ущерб, являются жертвами. Но так было не всегда! До 1980-х гг. редко говорили о жертвах «вообще». Зато легко проводили различия между политическими диссидентами, преследуемыми в тоталитарных странах, рабочим классом, подвергающимся социальному угнетению, жертвами естественных катастроф или несчастных случаев. Можно было бороться за социальную справедливость, сострадать, когда жертва была близкой, и жалеть народы или группы населения, пострадавшие от далеких бедствий²².

Слово «жертва» не было частью ни психиатрического, ни психоаналитического словаря. Вместо него использовали другое слово, «травма», которое пришло из научного языка (от греческого *trauma*, «рана»), проникло в разговорный язык, но потом постепенно вышло из употребления. Как же произошел переход от «человека с травмой» к «жертве»?

Роль психоанализа и психиатрии

Во второй половине XIX века психиатрия, а затем и психоанализ сыграли большую роль в признании психи-

²² В соответствии с категориями, введенными в работе Ханны Аренд «О революции» (Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011).

ческой травмы и понимания ее механизмов. Английские, французские, немецкие и американские психиатры конца XIX века сначала заинтересовались психологическими проблемами у людей, переживших железнодорожные катастрофы. Немецкий психиатр Герман Оппенгейм еще в 1884 году начал говорить о «травматическом неврозе», под которым имел в виду расстройство, вызванные несчастными случаями на железной дороге, а именно кошмары, навязчивые воспоминания, неустойчивость настроения, гиперчувствительность, уход в себя. И он же впервые отличил психологические следствия от физических ранений. Затем главным полигоном для наблюдений психиатров и психоаналитиков стала война 1914-1918 гг. с ее сотнями тысяч «травмированных». Клиническое описание психиатрических расстройств участников военных действий стало более точным, поскольку задача была не только в наблюдении, но и в выявлении симулянтов, которых следовало отправлять обратно на фронт.

Перевернул понятие травмы Фрейд^{23*}. Как и военные психиатры, он сразу же проводит аналогию между травматическим неврозом и истерией: «Ведь при травматическом неврозе причиной болезни является не ничтожная физическая травма, а сам испуг, травма психическая. Аналогичным образом, судя по результатам наших изысканий, поводом для появления многих, если не большинства, истерических симптомов служит то, что следует называть психическими травмами. Травматическое воздействие может оказать любое событие, которое вызывает мучитель-

23 * «Так мы называем такое переживание, которое в течение короткого времени вносит в душевную жизнь настолько огромное увеличение раздражений, что их изживание и переработка не удаются обычным путем, вследствие чего наступают длительные нарушения в распределении энергии» (Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ // Собрание сочинений в 10-и т. М.: Фирма «СТД», 2003. Т. 1. С. 261).

ное чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли»^{24*}. Таким образом, природа травмирующего события имеет не такое значение, как собственно аффект, вызванный им в психике. В отличие от телесного ранения, психическое ранение не оказывает прямого воздействия на субъект. С психической реальностью каждого индивида, остающейся в значительной степени бессознательной, сталкивается не что иное, как эмоция, вызванная таким ранением. Симптомы указывают на то, что травма имела место, но не говорят, что именно случилось в реальности.

После Фрейда ранеными в боях 1914-1918 гг. и истериками заинтересовался психоаналитик Шандор Ференци. В 1916 г. он был назначен на пост главы неврологического отделения военного госпиталя Мария-Вдена в Венгрии, в котором принимал сотни пациентов, страдающих от военного невроза, о котором опубликовал множество статей. С его точки зрения, травма вызывает специфический аффект — испуг — который он отличает от страха и тревоги, и именно этот аффект воздействует на психику.

Прокомментируем вопрос сексуальной травмы, поскольку, в отличие от военного травматизма, ее нужно доказывать. Фрейд поначалу считал, что сцены соблазнения детей (касания, демонстрация половых органов, изнасилование), о которых ему рассказывали пациенты с истерией, действительно имели место. Но частота, с которой эти рассказы встречались, постепенно заставила его поставить под вопрос реальность таких травм, а потому он стал рассматривать их в качестве фантазмов. Поначалу значительная часть общества (включая психоаналитиков) согласилась с ним, не будучи готовой признать педофилию взрослых, особенно когда речь о родителях или членах семьи. Ференци же по мере продвижения своих

24 * Фрейд З. Исследования истерии. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2005. С. 19-20.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru